

СТРАНИЦЫ ПОВЕСТИ

«Нас воспитывал Макаренко»

Л.В. Конисевич

На этапах похода

Кавказский поход! Весь год о нём мечтали и готовились. Все цеха выполнили промфинплан. Отдых был необходим. Производственный штурм, школа и другие нагрузки требовали разрядки. С другой стороны, и строители не давали нам жизни. Им не так интересно, куда мы едем. Мы им просто мешали, занимая помещения, которые надо было отремонтировать.

В этом году, при доброжелательном «скрипе» Соломона Борисовича, была пошита белая парадная форма девочкам и мальчикам. Вместе с другими вещами личного гардероба и предметами, необходимыми в походе, новая форма бережно укладывалась в корзину...

Мы в Сочи

Теплоход «Абхазия» благополучно доставил пассажиров из Батуми на Сочинский рейд. Шлёпнулись в воду якоря. Из кают всех классов потянулись на палубу, всем нужно выдаться на берег первыми.

За время рейса дисциплина и организация коммуны снискали уважение всей команды. Чего стоят одни концерты оркестра, создавшие приятное и праздничное настроение на теплоходе!

...В Сочи, как и в других местах наших путешествий, коммуна быстро снискала авторитет и уважение. Мы постоянно общались с курортниками и местными жителями. Частыми гостями были фото-корреспонденты.

По вечерам выходили гулять в Приморский парк. Он широкой полосой вытянулся вдоль берега, покрывая роскошными массами зелени и прибрежное взгорье до самого пляжа. После душного дня здесь приятно походить по тенистым аллеям и уголкам, посидеть на скамейках, полакомиться мороженым.

... С каждым днём становилось больше и больше друзей. В лагерь ходили группами и поодиночке. Зачастили экскурсионные группы, знакомились с нашим бытом, восхищались порядком, организацией...

Много приятных минут нам доставили наши маленькие соседи. В школе неподалёку от лагеря разместился детский сад. Как только мы обжились, малыши нанесли нам визит по всем правилам этикета. Молодая застенчивая воспитательница представила по очереди всю группу трёхлеток. Их было тридцать чистеньких, ухоженных. Девочки с разноцветными бантами, в ситцевых платьицах в горошек, в белых панамках. Некоторые с зонтиками. Дружба продолжалась весь отпуск.

В лагерь они приходили с утра. Шли строем, взявшись за ручки, и разногласо пели. Появились личные привязанности. Каждый малыш нашёл себе личного друга. Виктор Николаевич не знал покоя. Они находили его всюду. Его рассказы, импровизированные сказки, смешные гримасы, моментальные рисунки, портреты с натуры завораживали малышей. Они смотрели на Терского, как на живое многоликое чудо.

Нашли дорогу и в штаб-палатку. Чинно усаживались на скамейках и серьёзными глазами рассматривали строгого дядю. Он был занят работой и они не мешали, зажав руки в коленях. Алексюк попытался однажды выдворить эту компанию, но Антон Семёнович запретил ему это делать. А вскоре атмосфера «думной палаты» вообще расстраивалась по инициативе Антона Семёновича. Он нашёл в малышах интересных собеседников. С каждым познакомился, с первого раза запомнил имена. Каким-то чутьём малыши распознали в «серьёзном дяде» очень доброго человека. Он подарил каждому карандаши, тетрадки и стал их учить рисовать. Они облепили его со всех сторон и заворожённо следили за каждым движением его руки. Тут же пробовали повторить сами.

Дети настолько вошли в нашу жизнь, настолько мы привыкли к ним, что Ваня Семенцов, не то в шутку, не то всерьёз, сказал: «Давайте прихватим этот инкубатор в Харьков — нехай живут и пасутся. Прокормим».

— А родители, — возразил Разумовский, приняв предложение Вани всерьёз, — через десять лет получат готовеньких.

Семенцов повторил слова Антона Семёновича. Когда незадачливые родители сдавали в коммуны «негодного мальчика», Антон Семёнович говорил: «Примем с одним условием: не появляйтесь три года и тогда получите его в готовом виде».

В лагерную жизнь вошёл ещё один малолеток. В Сочинском парке поймали медвежонка. Его обнаружили у столовой. Бросились ловить, но он сам пошёл нам навстречу. Видно, вкусные запахи пищи давно привлекали мишку к очагу питания. Кто-то из местных сказал, что до этого медвежонок жил в пионерлагере. Но пионеры разъехались, и мишка осиротел. Пушистый малыш всем понравился. Специально по поводу новичка Никитин созвал совет командиров, где постановили: «Учитывая, что мишка не игрушка, а живое существо, поручить присмотр и уход за ним Боярчуку и Гуляеву и оградить от общественной опеки».

С этого времени медвежонок любовался издали. Малыши подолгу наблюдали за ним, тихо устроившись за деревьями на полянке. Они первыми открыли, как двумя лапками, запрокинув бутылку с соской, мишка «пил молочко», довольно урча и причмокивая. Самым интересным показалось то, что медвежонок, опорожнив бутылку, долго катал её по земле, а после снова прикладывался к соске.

... За день до отъезда сворачивали палатки. Предстояло путешествие по морю в Одессу. Оно входило в маршрут похода, и средний состав коммунарков обрадовался новой перемене обстановки, новым впечатлениям.

«Старики» понимали кружный путь по своему, как вынужденную проволочку времени и «волынку», чтобы в Харькове кое-как подготовились к нашему возвращению.

Багаж отправили в сопровождении Боярчука и мишки. Ему отвели место в вагоне как важному пассажиру. Деток не взяли. Они подняли плач, и наши отношения с ними дошли чуть ли не до разрыва. Пришлось успокаивать и Терскому, и врачу, и Антону Семёновичу. Заплаканные, убитые горем, они бродили по лагерю, отыскивая своих «нянек», не понимая, что происходит. Расстроенная

Надежда Павловна, так звали их воспитательницу, никак не могла собрать их вместе, чтобы увести. Все цепко держали «за ручки» уезжающих и навзрыд плакали...

Поход продолжается

4 сентября — день нашего отплытия — был тёплым и солнечным. На море штиль. Одеваемся по-походному. Корзинки отправили к пристани. Ещё раз осматриваем обжитое место и строимся. Детский сад ещё спит после вчерашней трагедии прощания. Что-то непрощенное заволакивало глаза, стало грустно.

...На следующий день, в два часа дня, увидели маяк, а за ним высокий берег Одессы. «Армения» вошла в порт. Коммуну встретил оркестр пограничников. Среди чекистов выделялась богатырская фигура, в которой мы сразу узнали Броневого! По его виду нам показалось, что он встречает нас хорошими новостями. Он сгребал нас охапками в свои могучие объятия, а малышкой сочно целовал. Сказал откровенно: «Без вас дела не будет, но и отправлять пока некуда. Правление не разрешает выезд до особого распоряжения — прогуляйте в Одессе».

— Как не разрешит?! — возмутились «старички». — Мы сами поедem. Надоело валяться, хватит волюнки!

И тут Бронево́й как-то загадочно сказал: «А станки какие привезли, ох, станки! А завод какой — на весь Советский Союз!»

В город поднимались по широкой Потёмкинской лестнице. Остановились у памятника Ришелье, построились, и первый марш грянул вдоль всего приморского бульвара.

Через центр шли с развёрнутым знаменем. Светлый южный город. По обочинам улиц — акации. Лёгкие, невысокие дома, витрины магазинов, парикмахерские, учреждения, кафе. Улицы нешумные, нет спешки. Прохожие аккуратно одеты, по сезону. Они будто прогуливаются и отдыхают, обласканные теплом.

На Ришельевской Степан Акимович устроил нас на жительство в спортивном зале клуба

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

трамвайчиков. Он полон снарядов, и пацаны запищали от радости.

Распрощались с пограничниками и стали осваивать новое жильё. Начали, конечно, с уборки!

В Одессе жили неплохо. Без экскурсий не проходило дня. Оперный театр — гордость одесситов — произвёл и на нас большое впечатление. Одесситы утверждают, что только в Париже и Вене построены две его копии, но самый красивый и удачный в смысле акустики — одесский.

Удалось побывать на предприятиях, осмотреть порт, увидеть пароходы в доках. Здесь, полностью вынутые из воды, они смотрятся совершенно иначе. На бульваре Фельдмана посетили Пушкинский музей.

На Канатной ознакомились с мореходным училищем дальнего плавания. Во все глаза осматривали учебные корпуса, экспонаты, флаги, макеты парусных судов и пароходов. Всё было хорошо, как-то солидно, выполнено в натуре и в старинных гравюрах и фотографиях. Отсюда направлялись на практику будущие штурманы на парусники «Товарищ» и «Вегу». Здесь пахло морем, просмоленными канатами, романтикой.

Сопровождая экскурсии, Антон Семёнович много рассказывал об истории города. Здания строились из лёгких блоков ракушечника. В результате под городом образовались пустоты — катакомбы.

... Одесситы — вежливый, воспитанный народ. Всегда расскажут, как и куда пройти, где что можно увидеть.

Дни стоят тёплые, и мы постоянные купальщики на «Лонжероне», «Большом фонтане» и «Люстдорфе». На окраине города у моря лачужки рыбаков, потрёпанные временем, и кое-где сохранились снарядные воронки, поросшие

кустарниками и бурьяном. Пропахшие морскими ветрами, накалённые солнцем, бедные, но очень опрятные, эти домики нам тоже нравились.

Насытившись впечатлениями, исходив пешком все закоулки города, мы были благодарны «Одессе-маме» за уют и ласку, но тоска по дому не давала покоя. С разговорами о коммуне вставали, с ними ложились спать. «Хвостами» ходили за Антоном Семёновичем и Дидоренко: «Что там? Какие новости? Почему мы здесь околачиваемся?» Скребнев и Петька Романов пригрозили побегом в Харьков.

На советах командиров требовали заказывать билеты и ехать без разрешения. Всеобщую настойчивость подогревали письма Ко-

гана. Они кричали болью: «Всё «горит», нет спален, нет столовой, нет школы».

И вдруг радостная весть. 14 сентября получена долгожданная телеграмма: «Выезжайте в Харьков. Броневоё». Ликованию нет предела. Кричали «ура», прыгали и обнимались.

Очень выдержанный, неподверженный никаким влияниям местных жаргонов Степан Акимович поднял руку и перекрыл всеобщий праздник громогласным «ША!», от удивления всё сразу стихло. А он манерно расстегнул свою полевую сумку, сладостно воздел очи куда-то к небу и движением фокусника извлёк на свет божий пачку железнодорожных билетов. Едем! Музыканты кинулись к инструментам и грянули «Краковяк». Степана Акимовича подняли на руки и принялись качать. **ВШ**